

Административное и муниципальное право

Правильная ссылка на статью:

Секретарёв Р.В. — О дискуссионных вопросах использования термина «секта» в правовых актах (на примере Центрального федерального округа) // Административное и муниципальное право. – 2023. – № 5. DOI: 10.7256/2454-0595.2023.5.68718 EDN: JJTTFO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68718

О дискуссионных вопросах использования термина «секта» в правовых актах (на примере Центрального федерального округа)

Секретарёв Роман Викторович

кандидат философских наук

Доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, Владивостокский государственный университет

690014, Россия, Приморский край, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41, каб. 5502

✉ rvsvldv@mail.ru

[Статья из рубрики "Административное и муниципальное право и права человека"](#)

DOI:

10.7256/2454-0595.2023.5.68718

EDN:

JJTTFO

Дата направления статьи в редакцию:

16-10-2023

Аннотация: Предметом исследования является использование отсутствующей в федеральном законодательстве дефиниции «секта» применительно к зарегистрированным в установленном порядке религиозным организациям в правовых актах Центрального федерального округа. Объект исследования – научные статьи зарубежных и отечественных учёных по заявленной тематике, правовые акты Центрального федерального округа. Автор подробно рассматривает современные научно-теоретические изыскания в сфере деструктивной религиозности и обширный массив правовых актов, в которых используется термин «секта». Особое внимание уделяется гипотетическим проблемам, к которым может привести широкая дискреция наделенных публичными полномочиями субъектов при попытке внедрить скорее религиоведческий, социологический (а зачастую просто бытовой) термин «секта» в правовой дискурс. Методологическая основа исследования: анализ, синтез, формально-логический и сравнительно-правовой методы в их системной взаимосвязи, а также последовательный практический опыт автора статьи в качестве преподавателя

религиоведческих дисциплин, сотрудника одного из органов исполнительной власти Приморского края, преподавателя юридических дисциплин. Основными выводами исследования являются констатация как неудовлетворительного опыта имплементации термина «секта» в правовое поле субъектов Российской Федерации, входящих в Центральный федеральный округ; формулирование рекомендаций по устранению указанных недостатков правового регулирования. Особый вклад автора в исследование применимого понятийного аппарата заключается в том, что аналогичные исследования в научной юридической литературе практически отсутствуют. Представители иных гуманитарных дисциплин названный термин используют как само собой разумеющийся, однако их представления являются умозрительными, очень слабо соотносятся с правовой реальностью. А в правовом государстве произвольно навешивать ярлык «секта» на различные религиозные организации, пусть и относительно малочисленные, вряд ли оправдано.

Ключевые слова:

Религиозные объединения, секты, культы, свобода совести, свобода вероисповедания, государственно-конфессиональные отношения, правоприменительная практика, права человека, законность, юридическая техника

Введение (Introduction)

При подготовке статьи автор использовал информацию из коммерческих версий СПС «Консультант Плюс» и «Консультант Плюс. Региональный выпуск». Полные наименования исследуемых правовых актов и ссылки на источники публикаций в печатном виде имеются в указанных правовых базах, вследствие чего полагаем возможным не указывать реквизиты соответствующих правовых актов в библиографическом разделе.

К правовым коллизиям, возникающим при использовании термина «секта» в различных правовых актах, автор обращался в 2005 ^[1] и 2022 ^[2] годах. Однако изучение научной литературы показывает, что до настоящего времени существуют серьёзные противоречия между различными отраслями гуманитарного знания по данному вопросу. В религиоведении, истории, социологии, культурологии термин «секта» по отношению к некоторым религиозным организациям активно используется, что свидетельствует об объективной потребности в надлежащей формализации данного понятия правовым инструментарием. Однако в Федеральном законе от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» (далее — Федеральный закон № 125-ФЗ) о сектах ничего не говорится. При этом Конституционный Суд РФ ранее указывал на право государства *«предусмотреть определенные преграды, с тем чтобы не предоставлять статус религиозной организации автоматически, не допускать легализации сект...»* (Постановление Конституционного Суда РФ от 23.11.1999 № 16-П; https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_25180, дата обращения 04.10.2023).

Убеждены, что раскрытие тех или иных сущностных сторон феномена «(религиозная) секта» невозможно без апелляции к современным научным англоязычным (как минимум) публикациям. И только лишь на примере западной цивилизации данный вопрос раскрыть невозможно. Существует значительное число исследований, посвящённых религиозной жизни Китая, в которых анализируется указанное явление. Особый интерес здесь представляют работы таких исследователей как David Ownby ^[3] (<https://doi.org/10.4000/assr.17633>, дата обращения 04.10.2023;

<https://journals.openedition.org/assr/17633>, дата обращения 04.10.2023) и Fenggang Yang [4] (<https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1111/j.1533-8525.2006.00039.x>, дата обращения 04.10.2023).

Первый из названных исследователей, вслед за Дюбуа, подметил, что использование терминов «секта» или «сектант» не всегда обосновано при исследованиях китайских народных верований. Да, эти термины в западном религиоведении стали общепринятыми, но в случае с китайскими реалиями ситуация совсем иная, т.к. они имеют множество значений, выходящих за рамки уничижительного контекста, придаваемого сектам в популярном и журналистском использовании.

В труде Янга обращает на себя внимание следующая примечательная концепция, суть которой сводится к следующему. Анализируя посткоммунистические страны, автор указывает на довольно жесткие правила, регламентирующие государственно-конфессиональные отношения. Однако подробно урегулировать можно лишь деятельность официально зарегистрированных организаций. Иные же модели проявления религиозности (в российских реалиях — это религиозные группы, чья деятельность урегулирована статьёй 7 Федерального закона № 125-ФЗ) поддаются контролю гораздо труднее. В связи с этим Янг выделяет следующие уровни религиозности, называя их «рынками». Красный рынок включает все официально разрешённые религиозные организации, верования и религиозные практики. Чёрный рынок состоит из организаций, чья деятельность, верования и практики официально запрещены (в российских реалиях это организации, ликвидированные в судебном порядке, главным образом по мотивам осуществления экстремистской деятельности). Серый рынок — религиозные и духовные практики с неясным статусом (в российских реалиях — это т.н. «новые религиозные движения», в отношении которых пока ещё не вынесены соответствующие судебные решения, но имеющие ненулевые шансы оказаться под запретом в будущем).

Попытку проведения контекстного анализа и теоретического осмысления деструктивной религиозности предприняли В. Л. Бенин и Т. З. Уразметов [5]. Указанные авторы обоснованно отмечают, что среди проблем, связанных с усилением религиозной напряженности, важнейшее значение имеют религиозный экстремизм и терроризм. С мнением о том, что «теория религии и юридическая практика должны взаимодействовать для выявления деструктивности религиозных объединений и идей» невозможно не согласиться. Поэтому авторы предпринимая попытку дать научное определение явлениям «секта», «тоталитарная секта», «деструктивный культ» и ограничить их использование в качестве религиозных категорий.

По нашему же мнению, поскольку право опосредует реально существующие общественные отношения, рассматривать указанные феномены лишь с религиоведческих позиций невозможно. Убеждены, что в любом случае законодатель (в Российской Федерации — в первую очередь федеральный законодатель) должен озаботиться надлежащим правовым регулированием указанных выше явлений.

Актуальность предпринятого нами исследования видится весьма высокой, в том числе и потому, что научное осмысление различных аспектов нетрадиционной религиозности предпринимают представители разных отраслей гуманитарного знания, однако без связи с правовыми реалиями ценность таких исследований, на наш взгляд, значительно снижается.

Так, проблеме типологизации религиозных объединений посвятили свою работу Т.С.

Пронина и Ю.С. Федотов^[6] (<https://cyberleninka.ru/article/n/problema-tipologizatsii-religioznyh-obedineniy/viewer>, дата обращения 04.10.2023). Авторы последовательно, с соблюдением исторической хронологии, излагают подходы социологов по обсуждаемой проблематике.

Во вводной части статьи исследователи обосновывают использование термина НРД (новые религиозные движения) как нейтральную альтернативу терминам «секта» и «культ». Отмечают, что указанные термины, дополненные атрибутами «тоталитарная» и «деструктивный», имеют негативную окраску, а это не способствует соблюдению объективности при проведении научных исследований. С данным утверждением мы не можем не согласиться, поскольку негативные коннотации терминов «секта» и «культ» в российских реалиях являются общеизвестными. Но анализируя мнения классиков социологии (М. Вебера, Э.Трёлча, Р.Нибура и иных, более поздних, авторов), Т. С. Пронина и Ю. С. Федотов не приводят в качестве примера ни одной организации, которую они включают (или готовы включить) в категорию новых религиозных движений! Завершают статью авторы следующим выводом: *«поле деятельности на ниве типологизации религиозных объединений, как и сто лет назад, весьма обширно и практически не имеет границ».*

И здесь с уважаемыми религиоведами, использующими в своей работе социологический инструментарий, мы не можем не согласиться. При этом причина наличия подобного «обширного поля» нам видится в следующем. Любая попытка классифицировать или типологизировать религиозные организации по признаку «нетрадиционности» применительно к действующему российскому правопорядку заранее обречена на провал. Возможные классификации религиозных объединений даны во второй главе (статьи 6 — 13.1) Федерального закона № 125-ФЗ. И попытки навесить на любое юридическое лицо, зарегистрированное в соответствии с требованиями упомянутого федерального закона, ярлык «секта» или «культ» могут повлечь реакцию в форме иска об опровержении недостоверных сведений. Конечно, особенности российского правоприменения мы (с учетом собственного накопленного опыта судебного представительства) учитываем, но в данном случае исходим из идеального представления «как должно быть», а не из отрезвляющего «как оно может быть на самом деле».

Попытку определить характеристики сектантства с социологических позиций предприняла Е. С. Боева^[7]. По её мнению, отличительными чертами сектантства являются асоциальность, тоталитаризм, локальность и активное миссионерство. Полагаем, что в той или иной мере частные примеры, подтверждающие указанные Е. С. Боевой признаки, можно найти и в традиционных религиозных организациях России. Однако религиоведческий анализ не входит в предмет настоящего исследования; кроме того, излишне широкие обобщения полагаем не корректными в разбираемом случае, ибо *«и на Солнце есть пятна».* Хотя на последнем из признаков всё-таки остановимся. В Белгородской области (входит в Центральный федеральный округ) существует Белгородская православная духовная семинария с миссионерской направленностью (официальный сайт — <http://bel-seminaria.ru>, дата обращения 04.10.2023). В подавляющем большинстве православных епархий периодически проводятся различные миссионерские активности с целью повышения квалификации миссионеров. Исходя из логики Е. С. Боевой, должны ли мы отнести РПЦ МП к числу сектантских организаций по мотиву наличия активного миссионерства? Ответ очевиден — нет, ни в коем случае. Признаки сектантства, предложенные упомянутым автором, являются не слишком удачными и сути сектантства, на наш взгляд, не раскрывают.

Автором ещё одной статьи, в которой содержится суждение о том, что некая организация является «сектой», является П. Бочков. Посвящена статья истории «Православной Церкви Божией Матери Державная», в просторечии часто именуемой «Богородичным центром». Автор полагает, что данная организация является неканонической псевдоправославной группой. Не ставя под сомнение достоверность приведённых в статье фактов относительно деятельности указанной организации, отметим следующее.

По данным П. Бочкова, ранее в Москве действовала «Московская духовная академия Симеона Нового Богослова», которая имела государственную лицензию на образовательную деятельность и готовила кадры для «Богородичного центра». Нам не удалось обнаружить в ЕГРЮЛ сведений о регистрации названной академии. А вот данные о государственной регистрации Централизованной религиозной организации «Православная церковь Божией матери Державная» (ИНН 5027065460) в ЕГРЮЛ имеются. Кроме того, П. Бочков утверждает, что для адептов «Богородичного центра» РПЦ МП это «*засохшая ветвь Православия*», «*уродливое конфессиональное образование, ...совет нечестивых*». Сам же автор упомянутой статьи систематически и последовательно именует сторонников «Богородичного центра» сектантами, организацию — сектой, а её систему верований — ересью. Поскольку богословский либо религиоведческий анализ деятельности той или иной организации не входит в задачу автора, подробно останавливаться на указанных аргументах П. Бочкова не станем. Но, с учётом более чем десятилетнего опыта преподавания дисциплин «Новые религиозные движения» и «Современные нетрадиционные религиозные движения» в высшей школе по образовательным программам в сфере теологии и религиоведения отметим, что здесь, вероятно, имеет смысл ставить вопрос шире и рассуждать о таком явлении, как «квазирелигиозные организации». При этом понятие «квазирелигиозная организация» мыслится нам как гораздо более объёмное по сравнению с еретическими движениями.

По отношению к заявленному объекту исследования нас интересует именно **правовая** оценка явлений религиозной жизни и государственно-конфессиональных отношений. А вот с точки зрения права ситуация выглядит совсем иначе, чем представляется П. Бочкову. Правовой статус централизованной религиозной организации «Православная церковь Божией матери Державная» (ИНН 5027065460) ничем не отличим от правового статуса религиозной организации Русская православная церковь (ИНН 7704277940). Является ли такое правовое регулирование оптимальным? На наш субъективный взгляд — нет. Соответствует ли такое регулирование общепринятым мировым стандартам? Объективно — тоже нет. В западной цивилизации существуют различные государственно-конфессиональные модели, предоставляющие определённые преференции «религиям большинства», а также предусматривающие различный объём прав и обязанностей конкретных религиозных организаций в зависимости от историко-культурного контекста. Кстати, далеко не во всех странах западного мира любые заинтересованные деятели могут получить статус религиозной организации для продвигаемых ими движений. Веровать можно как вздумается, если не нарушаются нормы публичного правопорядка. Но наличие оригинальной системы верований не всегда означает возможность получения формального религиозного статуса для конкретного юридического лица, таковы правила. И утверждать, что подобные правила являются плохими, мы не станем.

Обосновав теоретическую базу исследования, обратимся непосредственно к анализу правовых актов Центрального федерального округа. Их изучение (с использованием, умышленно повторимся, коммерческой версии СПС «Консультант Плюс. Региональный выпуск») показывает, что такие понятия, как «секта», «тоталитарная секта», «культ»,

«деструктивный культ» уже довольно широко вошли в массив правовых актов соответствующего уровня.

Здесь прежде всего обращает на себя внимание обилие муниципальных правовых актов, регулирующих молодёжную политику. Различные муниципалитеты как под копирку штампуют правовые акты с указаниями на недопущение влияния религиозных сект на восприимчивые умы молодого поколения. Впрочем, опыт работы автора в органах исполнительной власти Приморского края в 2002-2004 и 2016-2023 годах подсказывает значительную вероятность того, что на уровне конкретных субъектов Российской Федерации существуют типовые модели, на основе которых в отдельном муниципальном образовании принимается соответствующая правовая база. И это, полагаем, является верным решением, позволяющим унифицировать правовые акты одного региона и значительно снизить количество огрехов в плане юридической техники, чем зачастую страдают муниципальные правовые акты.

В Воронежской области при утверждении региональной программы развития образования на 2001 — 2005 годы указали на необходимость *«организации работы с учащимися, студентами вузов, ссузов и учащимися СПТУ, участвующими в акциях экстремистских группировок, деструктивной деятельности религиозных сект»*. Однако использованная формулировка вызывает ряд серьёзных нареканий. Так, если некие молодые люди вовлечены в деятельность экстремистских группировок, то с ними нужно не организовывать работу, а привлекать их к ответственности по Федеральному закону от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». Да, указанная ранее программа была принята годом ранее закона, но ничто не мешало оперативно внести в программу необходимые правки. И не ясно, какая именно деятельность и каких именно сект является деструктивной. Следует ли допускать деструктивную деятельность (выражающуюся, например, в призывах отказаться от ИНН) со стороны традиционных религиозных образований? Это — риторические вопросы.

В сентябре 2006 года в Московской области был утверждён межведомственный план по организации работы с неформальными молодежными объединениями. Основной посыл данного плана был направлен против адептов сатанизма. Иные «секты», которые оказывают губительное влияние на молодёжь, в тексте документа поименованы не были. На наш взгляд, это снизило практическую значимость заявленных мер, поскольку для реализации межведомственного плана его исполнители должны иметь чёткое понимание, против кого конкретно они борются, кому оказывают противодействие, какие меры в данной ситуации будут достаточными с сущностной точки зрения и законными — с формальной. Аналогичная программа была утверждена в 2009 году в Красногвардейском районе Белгородской области.

Подобные программы по молодёжной политике принимаются в Центральном Федеральном округе довольно часто. Так, в Козельском районе Калужской области упоминание о «сектах» встречается в молодежных программах 2013 и 2019 годов. Аналогичные программы, содержащие понятие «секта» без предметной расшифровки, приняты в Богородском районе Тульской области в 2014 году, в Ухоловском городском поселении и в Алексеевском сельском поселении Сараевского муниципального района Рязанской области в 2018 и 2019 годах соответственно. В Орловской области сочли необходимым опосредовать общественные отношения с использованием термина «секта» администрация Ливенского района в 2015 году, а администрация города Мценска в 2017 году.

В 2010 году в Елецком муниципальном районе Липецкой области утверждён

административный регламент по предоставлению государственной услуги «Социальное обслуживание на дому граждан пожилого возраста и инвалидов». Указанным регламентом предусмотрены, в том числе, правила поведения получателей социальных услуг. В частности, получатель услуги не должен «допускать нахождение в его домовладении (квартире) посторонних лиц в состоянии алкогольного (наркотического) опьянения, проведение собраний членов религиозных сект». Поскольку легальная дефиниция «религиозных сект» в регламенте, естественно, отсутствует, напрашиваются следующие логичные вопросы. На каком основании муниципалитет утверждает правила поведения граждан, которые находятся в своём жилье? Кто и в каком порядке будет определять, принадлежность граждан к религиозным сектам? Общеизвестно, что различные протестантские организации нередко ведут активную социальную деятельность. Если к пожилому человеку или к инвалиду придут баптисты или адвентисты, помогут прибрататься в квартире, принесут продукты и поговорят о насущных проблемах, будет ли это являться основанием для прекращения оказания упомянутой государственной услуги?

На наш взгляд, подобное правовое регулирование является незаконным, циничным и аморальным. Муниципалитет явным образом превышает свои полномочия, определяя правила предоставления государственной услуги подобным образом. Применить на практике административный регламент в указанной части вряд ли возможно, но в качестве инструмента пропаганды он вполне годен. Поскольку реакцию прокуратуры нам обнаружить не удалось, отметим явную недоработку надзорных органов по данному кейсу.

В 2011 году в Рязани протокольным поручением главы города было указано не допускать сдачи в аренду муниципальных учреждений религиозным объединениям в целях недопущения проникновения в образовательную, общественную и культурную сферу региона сект тоталитарного характера. С правовой точки зрения — весьма сомнительное решение, т.к. не ясно, чем, по мнению рязанского главы, «*секты тоталитарного характера*» отличаются от обычных религиозных объединений? И почему добропорядочные религиозные объединения должны терпеть ущемление своих прав по мотиву гипотетического проникновения в муниципальные учреждения неких «сект тоталитарного характера»? Входит ли, по мысли главы Рязани, РПЦ МП в число тех религиозных объединений, на кого распространяется протокольный запрет на заключение договоров аренды муниципального имущества? Или всё-таки названное протокольное поручение выводит РПЦ МП за скобки и чиновникам не запрещается взаимодействие с этой структурой? Также представляется не конкретным атрибутом «тоталитарности» применительно к сектам. Видимо, рязанский чиновник полагает, что в России существуют как «тоталитарные секты», так и «секты», тоталитарными не являющиеся? Слишком много вопросов возникает, на которые вряд ли смогут ответить в рязанском муниципалитете.

Постановлением главы городского поселения Сергиев Посад от 29.09.2016 № 390-п утверждён регламент рассмотрения обращений граждан. Один из кодов регламента предусматривает классификацию обращений по поводу деятельности «тоталитарных сект». Однако, если Федеральным законом № 125-ФЗ названное понятие не раскрывается, каким образом соответствующее должностное лицо, в полномочия которого входит регистрация входящей корреспонденции, должно понять, что то или обращение касается именно деятельности «тоталитарных сект»? А ошибка при регистрации входящей корреспонденции чревата гипотетической возможностью привлечения должностного лица к дисциплинарной ответственности и последующими

судебными разбирательствами. При этом в отношении главы городского поселения могут быть применены меры прокурорского реагирования по факту подписания муниципального правового акта, содержащего коррупциогенные факторы (произвольное использование понятий, не предусмотренных федеральным законодательством).

Можно отметить использование термина «секта» и при регулировании отношений в образовательной сфере. Так, приказом московского департамента образования в июне 2018 года было выделено 2 млн. рублей одному из высших учебных заведений Москвы на семинары по теме «Роль образования в профилактике экстремизма и вовлечения молодежи в деятельность религиозных сект и радикальных группировок». Поскольку на указанное мероприятие были выделены бюджетные средства, возникают вопросы — а какие «религиозные секты» московские чиновники имели в виду, выделяя подобный грант, каким образом проверяли целевое использование выделенных средств, какой пакет документов требовали представить от получателей гранта в доказательство того, что профилактические мероприятия осуществлялись именно по заявленной тематике? Следовательно, выделяя бюджетные средства на финансирование указанного расходного мероприятия, ГРБС (главный распорядитель бюджетных средств, см. ст. 158 БК РФ) допустил правовую неопределённость в своём приказе, чётко не отграничив круг субъектов, в отношении которых необходимо было проводить профилактические мероприятия. Контролирующие и надзорные органы (прокуратура и региональная счетная палата) вполне могли задаться вопросом — против каких конкретно организаций направлены эти мероприятия? Как московские чиновники определили, является ли та или иная организация «сектой» или не является?

Полагаем, что представленная нами подборка муниципальных правовых актов является вполне репрезентативной, хотя количество муниципальных правовых актов, принятых в Центральном федеральном округе и включающих термин «секта» в негативном контексте, можно значительно увеличить.

В результате проведённого анализа правовых актов Центрального федерального округа по регулированию общественных отношений с использованием термина «секта», учитывая накопленный зарубежный опыт в сравнительно-правовом контексте, мы пришли к следующим **выводам**.

1 . Термин «секта» де-факто в настоящее время имплементирован в российское законодательство о свободе совести (ст.2 Федерального закона № 125-ФЗ) через региональное законодательство. Данный тезис подтверждается, в том числе, соответствующими правовыми актами Центрального федерального округа. К аналогичным результатам мы пришли в 2022 году, анализируя правовые акты Дальневосточного федерального округа по заявленной тематике. Следовательно, использование термина «секта» в корпусе правовых актов регионального законодательства (в широком смысле) носит системный, а не единичный, характер.

2 . Использование термина «имплементация» для характеристики упомянутых в статье правоотношений считаем уместным, поскольку правовые основания для использования термина «секта» были, повторимся, приведены в Постановлении Конституционного Суда РФ от 23.11.1999 № 16-П. Однако с точки зрения юридической техники, имплементация международно-признанного термина «секта» в российское законодательство на самом низком уровне в иерархии правовых актов о свободе совести, т.е. уровне региональных правовых актов, без внесения соответствующих изменений в ГК РФ, Федеральный закон № 125-ФЗ (а в идеале — и в Конституцию РФ), представляется весьма сомнительной.

3. Отсутствие легальной дефиниции «секта» в Федеральном законе № 125-ФЗ препятствует, на наш взгляд, корректному употреблению данного термина в региональном законодательстве, как с точки зрения требований юридической техники, так и по существу. Используя данный термин скорее в бытовом смысле, региональный законодатель, на наш взгляд, нередко переходит грань законности. В погоне за внешне благими целями он зачастую нарушает основополагающие права самых незащищённых категорий граждан; например, ставит получение гражданами государственных услуг в социальной сфере в зависимость от их религиозных убеждений, чем, по нашему мнению, нарушает статью 28 Конституции РФ.

4. Точечные изменения в законодательство о свободе совести, на наш взгляд, существующие проблемы с не всегда корректным использованием термина «секта» не решат. Полагаем — нужно менять всю систему, целиком. Систему государственно-конфессиональных отношений в России. Да, права человека — большая ценность. Но нельзя путать реализацию прав человека, в том числе права на свободу совести, с уравниловкой в религиозной сфере. Нужно признать, что существующее регулирование государственно-конфессиональных отношений является не оптимальным. При этом убеждены, гипотетическая реализация нашего предложения о закреплении термина «секта» на федеральном уровне не должна привести к излишнему протекционизму в пользу РПЦ МП со стороны государства. Однако данная проблема уже выходит за рамки предмета предпринятого исследования и нуждается в самостоятельном дополнительном изучении.

Библиография

1. Секретарёв Р.В. Использование терминов «культ» и «секта»: pro et contra. // Тоталитарные секты и демократическое государство: Материалы международной конференции. / Новосибирск: Книжница, 2005. С. 200-205.
2. Секретарёв Р.В. Актуальные проблемы российского законодательства о свободе совести в первой четверти XXI века // Юридические исследования. 2022. № 8. С. 27-40. DOI: 10.25136/2409-7136.2022.8.38465 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=38465
3. Ownby, D. (2008) Sect and Secularism in Reading the Modern // *Archives de sciences sociales des religions* [En ligne], 144 octobre-décembre 2008, mis en ligne le 03 décembre 2013, consulté le 23 septembre 2023. URL: <http://journals.openedition.org/assr/17633> DOI: <https://doi.org/10.4000/assr.17633>
4. Yang, F. (2006) The red, black, and gray markets of religion in China // *The Sociological Quarterly* 47 93-122 DOI : 10.1111/j.1533-8525.2006.00039.x
5. Benin, V. L., & Urazmetov, T. Z. (2019) «Destructive Religiosity» In The Context Of Theoretical Analysis. In D. K. Bataev (Ed.), *Social and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism*, vol 58. European Proceedings of Social and Behavioural Sciences (pp. 243-250). Future Academy. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2019.03.02.29>
6. Пронина, Т. С., Федотов, Ю. С. Терминологические особенности в области изучения нетрадиционных религиозных движений // *Философские традиции и современность*. 2012. № 2(2). С. 98-102.
7. Боева, Е. С. Эволюция развития сект и нетрадиционных религиозных движений в России // *Власть и управление на Востоке России*. 2011. № 4 (57). С. 158-162.
8. Бочков, П. Православная Церковь Божией Матери Державная («Богородичный Центр») как неканоническая Псевдоправославная группа: история, преемство,

состав «иерархии и современное состояние // Рязанский богословский вестник. 2023. № 1(27). С. 106-125.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье являются дискуссионные вопросы использования термина «секта» в правовых актах (на примере Центрального федерального округа). Заявленные границы исследования полностью соблюдены автором.

Методология в тексте статьи не раскрывается, но очевидно, что ученым использовались всеобщий диалектический, логический, сравнительно-правовой, формально-юридический, герменевтический методы исследования.

Актуальность избранной автором темы исследования несомненна и обоснована им следующим образом: "К правовым коллизиям, возникающим при использовании термина «секта» в различных правовых актах, автор обращался в 2005 [1] и 2022 [2] годах. Однако изучение научной литературы показывает, что до настоящего времени существуют серьёзные противоречия между различными отраслями гуманитарного знания по данному вопросу. В религиоведении, истории, социологии, культурологии термин «секта» по отношению к некоторым религиозным организациям активно используется, что свидетельствует об объективной потребности в надлежащей формализации данного понятия правовым инструментарием. Однако в Федеральном законе от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» (далее — Федеральный закон № 125-ФЗ) о сектах ничего не говорится. При этом Конституционный Суд РФ ранее указывал на право государства «предусмотреть определенные преграды, с тем чтобы не предоставлять статус религиозной организации автоматически, не допускать легализации сект...» (Постановление Конституционного Суда РФ от 23.11.1999 № 16-П; https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_25180, дата обращения 04.10.2023). Убеждены, что раскрытие тех или иных сущностных сторон феномена «(религиозная) секта» невозможно без апелляции к современным научным англоязычным (как минимум) публикациям. И только лишь на примере западной цивилизации данный вопрос раскрыть невозможно"; "Актуальность предпринятого нами исследования видится весьма высокой, в том числе и потому, что научное осмысление различных аспектов нетрадиционной религиозности предпринимают представители разных отраслей гуманитарного знания, однако без связи с правовыми реалиями ценность таких исследований, на наш взгляд, значительно снижается". Также ученый перечислил фамилии ведущих ученых, занимавшихся исследованием поднимаемых в статье проблем и раскрыл степень их изученности.

Научная новизна исследования проявляется в ряде заключений автора: "Любая попытка классифицировать или типологизировать религиозные организации по признаку «нетрадиционности» применительно к действующему российскому правопорядку заранее обречена на провал. Возможные классификации религиозных объединений даны во второй главе (статьи 6 — 13.1) Федерального закона № 125-ФЗ. И попытки навесить на любое юридическое лицо, зарегистрированное в соответствии с требованиями упомянутого федерального закона, ярлык «секта» или «культ» могут повлечь реакцию в форме иска об опровержении недостоверных сведений"; "с... учётом более чем десятилетнего опыта преподавания дисциплин «Новые религиозные движения» и

«Современные нетрадиционные религиозные движения» в высшей школе по образовательным программам в сфере теологии и религиоведения отметим, что здесь, вероятно, имеет смысл ставить вопрос шире и рассуждать о таком явлении, как «квазирелигиозные организации». При этом понятие «квазирелигиозная организация» мыслится нам как гораздо более объёмное по сравнению с еретическими движениями"; "... наличие оригинальной системы верований не всегда означает возможность получения формального религиозного статуса для конкретного юридического лица", "... опыт работы автора в органах исполнительной власти Приморского края в 2002-2004 и 2016-2023 годах подсказывает значительную вероятность того, что на уровне конкретных субъектов Российской Федерации существуют типовые модели, на основе которых в отдельном муниципальном образовании принимается соответствующая правовая база. И это, полагаем, является верным решением, позволяющим унифицировать правовые акты одного региона и значительно снизить количество огрехов в плане юридической техники, чем зачастую страдают муниципальные правовые акты" и др. Исследование выполнено на достаточно высоком академическом уровне, вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания читательской аудитории.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы вполне логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования. В основной части работы автор на основании исследования многочисленных нормативных и теоретических источников, а также правоприменительной практики выявляет основные проблемы, связанные с использованием термина "секта", и предлагает возможные пути их решения. В заключительной части статьи содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи полностью соответствует ее наименованию и не вызывает особых нареканий.

Библиография исследования представлена 8 источниками (научными статьями), в том числе на английском языке, не считая нормативного и эмпирического материала. С формальной и фактической точек зрения этого вполне достаточно. Характер и количество использованных при написании статьи источников позволили автору раскрыть тему исследования с необходимой глубиной и полнотой. Положения работы проиллюстрированы многочисленными примерами.

Апелляция к оппонентам имеется, как общая, так и частная (Т.С. Пронина, Ю.С. Федотов, Е. С. Боева и др.) и вполне достаточна. Научная дискуссия ведется автором корректно. Положения работы обоснованы в необходимой степени.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("1. Термин «секта» де-факто в настоящее время имплементирован в российское законодательство о свободе совести (ст.2 Федерального закона № 125-ФЗ) через региональное законодательство. ... использование термина «секта» в корпусе правовых актов регионального законодательства (в широком смысле) носит системный, а не единичный, характер. 2. ... с точки зрения юридической техники, имплементация международно-признанного термина «секта» в российское законодательство на самом низком уровне в иерархии правовых актов о свободе совести, т.е. уровне региональных правовых актов, без внесения соответствующих изменений в ГК РФ, Федеральный закон № 125-ФЗ (а в идеале — и в Конституцию РФ), представляется весьма сомнительной. 3. Отсутствие легальной дефиниции «секта» в Федеральном законе № 125-ФЗ препятствует, на наш взгляд, корректному употреблению данного термина в региональном законодательстве, как с точки зрения требований юридической техники, так и по существу. Используя данный термин скорее в бытовом смысле, региональный законодатель, на наш взгляд,

нередко переходит грань законности. ... 4. Точечные изменения в законодательство о свободе совести, на наш взгляд, существующие проблемы с не всегда корректным использованием термина «секта» не решат. Полагаем — нужно менять всю систему, целиком. Систему государственно-конфессиональных отношений в России. ..."), обладают свойствами достоверности и обоснованности, и, безусловно, заслуживают внимания потенциальных читателей.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере теории государства и права, административного права, муниципального права при условии ее небольшой доработки: раскрытии методологии исследования.